

БОРИС
ЫБАКОВ

Язычество
Древней Руси

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА
2026

УДК 291(47+57)
ББК 86.31
Р93

Рыбаков, Борис Александрович.

Р93 Язычество Древней Руси / Борис Рыбаков. — Москва : Родина, 2026. — 272 с.

ISBN 978-5-00269-150-0

Классический труд академика Бориса Рыбакова (1908–2001) — самое полное и фундаментальное исследование древнерусского язычества на сегодняшний день. Он открывает удивительный мир верований наших предков — развитую систему богов, обряда и мифов, которую веками скрывали, считая варварской. Полвека назад эта книга перевернула представления о культуре и религии Руси, доказав, что языческая традиция сыграла огромную роль в зарождении государства. Рыбаков собрал по крупицам легенды, археологические находки и редкие письменные источники, проследив, как следы язычества, несмотря на давление христианства, навсегда остались в фольклоре и древнерусской литературе. Это издание для всех, кто интересуется нашими историческими корнями, кто хочет знать правду о далеком прошлом Руси.

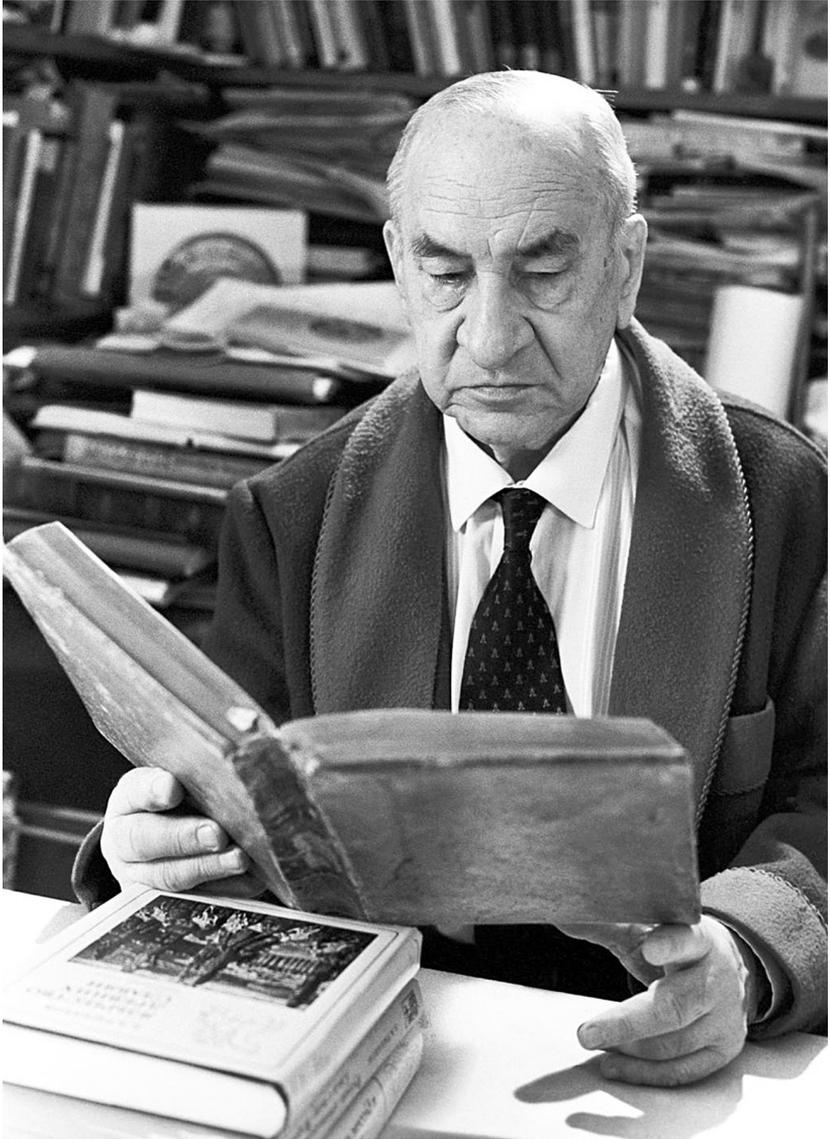
УДК 291(47+57)
ББК 86.31

ISBN 978-5-00269-150-0

© Рыбаков Б.А., 2026
© ООО «Издательство «Родина», 2026

Оглавление

Предисловие.....	7
<i>Глава 1. Предки Руси.....</i>	<i>13</i>
Поиски корней.....	13
Три царства скелотов (<i>обряды, верования</i>).....	61
<i>Глава 2. Погребальная обрядность.....</i>	<i>105</i>
Праславяне. «Сколоты» — славяне VII–III вв. до н.э.	
«Сколоты» — славяне VII–III вв. до н.э.	
Происхождение обряда захоронения в урнах.....	109
<i>Глава 3. Святилища, идолы и игрища.....</i>	<i>170</i>
<i>Глава 4. Календарные «черты и резы».....</i>	<i>231</i>

Борис Рыбаков

Предисловие

Эта книга является прямым продолжением, как бы вторым томом, моего исследования «Язычество древних славян», вышедшего в 1981 г. В первой книге автора интересовали прежде всего глубокие корни тех народных религиозных представлений, которые охватываются неопределённым термином «язычество».

При выяснении этих корней и глубины народной памяти приходилось широко пользоваться не только отрывочными сведениями об археологических реалиях древности, но и данными народного искусства и фольклора XIX в. и средневековыми поучениями против язычества, написанными в XI–XIII вв. Эти экскурсии в более поздние эпохи служили только одной цели — помочь выяснению первичных форм мифологии, её истоков и, насколько это было возможно, определению времени возникновения тех или иных религиозно-мифологических представлений. Углубление в палеолит или энеолит не являлось самоцелью и отнюдь не означало полной и всесторонней обрисовки представлений этих эпох. Автору важно было показать, что элементы мировоззрения глубочайшей древности сохранились в крестьянской среде России вплоть до XIX, а кое в чем и до начала XX в. Это давало право широко использовать такой драгоценный материал, как этнографический, для всех промежуточных эпох.

Данный, второй, том посвящен, во-первых, анализу восточнославянского язычества на протяжении всего I тысячелетия нашей эры вплоть до встречи с христианством; во-вто-

рых, здесь будет рассмотрен сложный симбиоз древней народной религии с привнесенным извне христианством.

Последняя стадия развития родоплеменного строя у восточных славян дала много нового в сфере идеологических представлений. Киевская Русь создавалась как языческое государство, в котором религия прадедов достигла своего апогея. С принятием христианства создается своеобразная амальгама старых и новых форм, названная «двоеверием».

Хронологически этот том охватывает время от первых упоминаний славян-венедов античными авторами в I–II вв. н.э. до татарского нашествия в 1237–1241 гг.

Восточнославянское язычество накануне создания Киевской Руси и в его дальнейшем сосуществовании с христианством отражено в большом количестве материалов, являющихся источниками для его изучения. Это, прежде всего, подлинные и точно датируемые археологические материалы, раскрывающие самую суть языческого культа: идолы богов, святилища, кладбища без внешних наземных признаков («поля погребений», «поля погребальных урн»), а также и с сохранившимися насыпями древних курганов. Кроме того, это — находимые в курганах, в кладах и просто в культурных слоях городов многообразные изделия прикладного искусства, насыщенные архаичной языческой символикой. Из них наибольшую ценность представляют женские украшения, часто являющиеся в погребальных комплексах свадебными гарнитурами и в силу этого особенно насыщенные магическими заклинательными сюжетами и амулетами-оберегами. Своеобразным, но очень плохо изученным остатком языческой старины являются многочисленные названия урочищ: «Святая гора», «Лысая гора» (местопребывание ведьм), «Святое озеро», «Святая роща», «Перынь», «Волосово» и т.п.

Очень важным источником являются свидетельства современников, занесенные в летописи или в специально

написанные поучения против язычества. По поводу последних следует сказать, что они сильно отличаются от сведений современников о западных славянах. На запад, в земли балтийских славян, ехали миссионеры с заданием окрестить местное население и приобщить его к пастве римского папы. Рассказы католических епископов о славянских языческих храмах и обрядах являлись своего рода отчетностью перед римской курией об успехах их апостольской деятельности. Миссионеры писали по принципу контрастов: разгульное, неистовое язычество с многочисленными празднествами и кровавыми жертвоприношениями, с одной стороны, и благолепие и смирение после успеха проповеди христианства, с другой. Описание языческого культа было одной из задач западных епископов-миссионеров, и это делает их записи особенно ценными. Русские авторы XI–XIII вв. не описывали язычество, а бичевали его, не перечисляли элементы языческого культа, а огульно осуждали все бесовские действия, не вдаваясь в подробности, которые могли бы интересовать нас, но были слишком хорошо известны той среде, к которой обращались проповедники. Тем не менее, несмотря на указанную особенность русских антиязыческих поучений, они представляют несомненную ценность.

Что же касается этнографии как таковой, как науки XIX–XX вв., то следует сказать, что без привлечения необъятного и в высшей степени ценного этнографическо-фольклорного материала тема язычества не может быть доведена до конца.

Применительно к Киевской Руси мы должны сказать, что те темы, которые могут быть так полно представлены в предполагаемом этнографическом томе, для эпохи Киевской Руси не документированы или уцелели лишь фрагментарно. Можно во многих случаях использовать ретроспективный метод, но у этого метода есть одно слабое место — мы далеко

не всегда знаем, на какой хронологической глубине следует остановиться в ретроспекции, где кончается точный научный метод и где начинается допущение.

Поискам этих граней между достоверным и предполагаемым посвящен ряд разделов книги «Язычество древних славян», в которых выяснялась глубина памяти русских, украинских и белорусских крестьян.

Выявление глубоких корней дает нам право на применение метода экстраполяции, т.е. распространения на Киевскую Русь тех верований и форм культа, которые документированы как для более раннего времени, так и для более позднего.

Учитывая возможности достоверной экстраполяции, мы должны насытить наши представления о язычестве древней Руси также и представлениями о хороводах, ритуальных песнях, маскарадах, о детских играх, о волшебных сказках. Почти все богатство восточнославянского фольклора, записанного в XIX в., мы можем проецировать в I тысячелетие н.э. и тем самым приблизить наше представление о той эпохе к её реальному многообразию и красочности, которые совершенно недостаточно отражены археологией или поучениями против язычества.

Около полутора столетий Киевская Русь была государством с языческой системой, нередко противостоящей проникновению христианства. В Киевской Руси IX–X вв. сложилось влиятельное сословие жрецов («волхвов»), руководившее обрядами, сохранявшее давнюю мифологию и разрабатывавшее продуманную аграрно-заклинательную символику.

В эпоху Святослава, в связи с войнами с Византией, христианство стало гонимой религией, а язычество было реформировано и противопоставлено проникавшему на Русь христианству: так называемый «Пантеон Владимира» был, с одной стороны, ответом христианству, а с другой — утверж-

дением княжеской власти и господства класса воинов-феодалов.

Выполнение общеплеменных ритуальных действий («соборы», «события»), организация ритуальных действий, святилищ и грандиозных княжеских курганов, соблюдение календарных сроков годичного обрядового цикла, хранение, исполнение и творческое пополнение фонда мифологических и эпических сказаний требовало специального жреческого сословия («волхвы», «чародеи», «облакопрогонители», «ведуны», «потворы» и др.). Через столетие после крещения Руси волхвы могли в некоторых случаях привлечь на свою сторону целый город для противодействия князю или епископу (Новгород). Греческое христианство застало в 980-е годы на Руси не простое деревенское знахарство, а значительно развитую языческую культуру со своей мифологией, пантеоном главных божеств, жрецами и, по всей вероятности, со своим языческим летописанием 912–980 гг. Прочность языческих представлений в русских феодальных городах средневековья явствует, во-первых, из многочисленных церковных поучений, направленных против языческих верований и проводимых в городах языческих обрядов и празднеств, а, во-вторых, из языческой символики прикладного искусства, обслуживавшего не только простых людей городского посада, но и высшие, княжеские круги (клады 1230-х годов). Во второй половине XII в. языческий элемент сказывался еще в полной мере. Картина мира тогдашних русских горожан представляла собой сочетание схемы Козьмы Индикоплова с такими архаичными образами.

Парадный золотой убор киевских княгинь был отражением и воспроизведением макрокосма в микрокосме личной одежды и украшений. Архитектурный декор содержит ряд композиций завуалированно-языческого содержания (Дмитровский собор Владимира). Наличие явно языческих сцен, связанных с русалиями, на украшениях княгинь сви-

детельствует об участии представителей социальных верхов в языческих обрядах.

На рубеже XII и XIII вв. устанавливается «двоеверие», т.е. известное компромиссное равновесие языческих и православных элементов. В прикладном искусстве на месте языческих сюжетов появляются христианские. Новые поучения против язычества (конца XII — начала XIII в.) свидетельствуют о том, что за два века формальной христианизации языческие теологи выработали новые представления о силах, управляющих миром, — появилось бичуемое церковниками учение о почитании «света», как эманации высшей божественной силы. Идея света, овеществленного в солнце и в динамике его небесного хода, наполнила искусство и удержалась несколько столетий.

Язычество древней Руси IX–XIII вв. — важный раздел русской средневековой культуры, без которого невозможно понять ни народную культуру деревни и городского посада, ни сложную и многогранную культуру феодальных верхов, ярким образцом которой является «Слово о полку Игореве», пронизанное народным языческим мировоззрением и предвосхищающее поэзию эпохи Ренессанса, так часто обращавшуюся к античному язычеству.

Глава 1

ПРЕДКИ РУСИ

Поиски корней

Исследование язычества древних славян было предвзято рассмотрено историческими судьями славянства с глубокой доисторической древности, так как без этого было бы невозможно понимание всей многогранности процесса формирования религиозных представлений.

Данная книга, посвященная язычеству средневекового славянства и Киевской Руси, точно так же требует обязательного углубления в сложную проблему происхождения и древнейших судеб Руси. Ядром государства Руси (называемого кабинетным термином «Киевская Русь») была, как известно, сравнительно небольшая область Среднего Поднепровья — от Десны до Роси, возглавившая процесс рождения феодальной государственности на огромном пространстве Восточной Европы — от Вислы до Волги и от Балтики до Черного моря. Самый беглый взгляд на древнейшую историю восточнославянского мира убеждает в том, что на протяжении двух тысячелетий, предшествовавших возникновению Киевской Руси, наиболее развитым и исторически активным регионом являлось Среднее Поднепровье.

Столь давнее и длительное первенствующее положение региона, ставшего первичным историческим ядром Киевской Руси, заставляет нас углубиться в сложную и запутанную проблему происхождения Руси и рассмотреть её не в качестве узкой терминологической задачи о значении

Н. Перих. Русь

слова «Русь», а более широко, как длительную и многообразную историю народа, его земли и его культуры. Однако при этом перед нами неизбежно встанет целый ряд отдельных вопросов, связанных с характером источников, с хронологическим и географическим диапазоном исследования, с методикой и результатами сопоставлений данных разных наук при комплексном, системном анализе. Свой взгляд на основные контуры этой проблемы я уже изложил в печати (Рыбаков Б. А. Новая концепция предыстории Киевской Руси. — История СССР, 1981, № 1 и 2; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.), но здесь придется коснуться и некоторых других вопросов и новых дополнительных решений, возникших на основе новых изысканий. Основной метод поиска — ретроспекция, продвижение от известного к более отдаленному прошлому, менее известному нам. Но вместе с тем поиск должен быть как бы «встречно-ретроспективным», т. е. одновременно с обратнo-хронологическим ходом необходимо укладывать все наблю-

денные факты и явления в прямой, последовательный хронологический ряд ради того, чтобы устанавливая причинную связь явлений и реконструировать реальное течение интересующего нас процесса.

Первый вопрос, с которого следует начать, — это географическое определение понятия «Русская земля». В русских источниках XI–XIII вв. наблюдается непонятная на первый взгляд, но чрезвычайно важная для нас двойственность в определении этого термина: во-первых, им обозначалось все восточное славянство в целом, но наряду с этим существовало значительно более узкое применение термина. Широкое понимание словосочетания «Русская земля» чаще всего встречается в материалах XII–XIII вв., когда единая государственность уже отошла в прошлое, когда в реальной исторической жизни существовало полтора-два десятка совершенно самостоятельных, вполне суверенных княжеств-королевств. Именно эту обширную Русскую землю, раскинувшуюся по всей Восточной Европе, имел в виду поэт начала XIII в., когда писал:

*О, светло-светлая
И украсно украшена земля Русская!
И многими красотами удивлена еси...
Всего еси исполнена земля Русская!*

Однако современники этого поэта, жившие в разных городах Русской земли (в таком широком её понимании), в своей деловой письменности проявляли совершенно иное, значительно суженное понимание слов «Русь», «Русская земля» (Тихомиров М. Я. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». — Сов. этнография, М., 1947, т. VI–VII. Насонов А. Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951). Оно проявилось у летописцев Новгорода Великого, Владимиро-Суздальской земли,

Галицкого княжества и у самих Киевских летописцев, когда речь шла о далеких землях (Полный перечень всех летописных примеров дан в книге «Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982, с. 59–67. Карта на с. 59.). Под собственно Русью в значительно более узком смысле слова понималось историческое ядро Киевской Руси: Среднее Поднепровье и лесостепное Левобережье Днепра примерно до Курска («В географическое понятие Русской земли, или «всей Русской земли», противопоставляемой Галичу, Суздалю, Смоленску и Новгороду, включались следующие города: Киев Треполь Стародуб Чернигов Корсунь-на-Роси Трубчевск Переяславль-Русский Богуславль-на-Роси Глухов).

В ту эпоху, к которой относятся все эти сведения, очерченная территория никоим образом не может рассматриваться как некое политическое целое. Киевские Моноашичи враждовали здесь с черниговскими Ольговичами; северские князья стремились обособиться от Чернигова; в Переяславле-Русском появилась четвертая политическая сила — ставленники владими́ро-суздальских князей. Большинство приведенных выше сведений о Руси в узком смысле взято из описаний княжеских усобиц, происходивших на этой территории. Политического единства лесостепной Русской земли в XII–XIII вв. не было. Следовательно, единодушное определение Русской земли только в географических рамках Среднего Поднепровья (с левыми притоками Днепра) должно рассматриваться не как отражение реальности XII в., а как прочное воспоминание о каком-то минувшем историческом периоде, когда Киевская земля и левобережная Северщина составляли единое целое, и это целое не включало в себя ни Древлян, ни Радимичей, ни Вятичей, соседивших с Русью в узком смысле слова. Обращение к письменным источникам любого времени не даст нам ничего для установления хронологии этого загадочного региона. Время его существования находится за гранью наших письменных сви-

детельств. Единственный намек мы найдем у Константина Багрянородного (середина X в.), упомянувшего о какой-то «Внутренней Руси» вокруг Киева, но никаких подробностей он не сообщает.

Задача решается обращением к археологическому материалу. Для той эпохи, от которой мы получили точные и подробные сведения о географическом контуре Руси в узком смысле, мы и в археологическом материале не получим единства: вокруг Киева прослеживаются древности Полян, а далее на восток четко обозначается область Северы (северян) XI–XII вв. (Рыбаков Б. А. Поляне и северяне. — Сов. этнография. М., 1947, VI–VII.)

Если мы в своем поиске начнем углубляться в века, предшествующие оформлению Киевской Руси, то найдем искомое соответствие области Руси с определенным археологическим ареалом только в VI в. н.э. И это не случайно, так как именно в середине VI в. сирийский автор упоминает «народ РОС (РУС)», живший где-то северо-западнее приазовских амазонок, т.е. на Среднем Днепре (Дьяконов А. П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах. — ВДИ, 1939, № 4, с. 84–87.). К этому же VI в. возводит историю Киевской Руси летописец Нестор, рассказывая о поездке славянского князя Кия в Константинополь к византийскому императору, в котором естественнее всего видеть Юстиниана (527–565 гг.) или Анастасия (498–518 гг.).

Археологические материалы VI–VII вв. дают нам очень яркую и четко определимую культуру, ареал которой поразительно точно совпадает с очерченной выше Русской землей (Рыбаков Б. А. Древности русов. — В кн.: Сов. археология, М., 1953, т. XVII. См. также: Киевская Русь... Карта на с. 71.). Эта археологическая культура (которую из-за географического совпадения с Русской землей можно назвать «древностями русов») представлена большим количеством кладов дружинного инвентаря: серебряные с позолотой украшения,

«пальчатые» фибулы для плащей, привозные (трофейные?) византийские серебряные сосуды VI в., богато декорированные пояса, изредка оружие. По форме височных колец, которые давно уже расцениваются археологами как племенные признаки, вся Русская земля VI в. делится на два района: западный среднеднепровский и восточный курско-северский. Височные спиральные кольца северского района нашли продолжение в курганных спиральных кольцах северян X–XII вв.

Наиболее богат среднеднепровский район и особенно его участок, прилегающий к р. Роси. Здесь, очевидно, был центр того союза племен, который объединил Среднее Поднепровье с Левобережьем, или, говоря летописными терминами, «Полян, яже ныне зовомые Русью» и левобережных Северян.

У этого мощного племенного союза было два внешних устремления: одно направление вело на северо-восток, к средней Оке, где впоследствии возникает Рязанское княжество, а другое, юго-западное, отражало участие среднеднепровских русов в общеславянском движении к северным рубежам Византийской империи. Здесь, на левом берегу Дуная, встречаются пальчатые фибулы днепровского типа, что соотносится с городом на Дунае — Русе. Сочетание историко-топонимических данных XI–XIII вв. с археологическими VI–VII вв. позволило нам углубить проблему происхождения Руси на три-четыре столетия от Киевской Руси. В дальнейшем ретроспективном поиске у нас не будет столь надежной поддержки письменных источников, и основным материалом останется только археологический, которому, при всей его ценности, присущ целый ряд минусов. Во-первых, археологические культуры исторически безымянны и не могут быть соотнесены с этносами прямолинейно, так как одна общая материальная культура может принадлежать разным народам. Или, наоборот, единый народ в разных своих частях может создавать в зависимости от условий (природных или международных) разные, несходные между

собой формы быта, отражающиеся в разных археологических культурах. Во-вторых, следует сказать, что в какой-то мере задача использования археологических материалов для этногенических построений усложнена самими археологами, фетишизирующими некоторые археологические категории (особенно глиняную посуду). Нередки случаи, когда исследователи объясняют любой перерыв в плавной эволюции тех или иных форм предметов или построек исчезновением данного народа, а появление новых форм — приходом нового населения. При этом появление пришельцев находит какое-то объяснение, а «исчезновение» обычно кратко констатируется.

Далеко не всегда археологами учитываются такие обще-европейские события, как нашествие сарматов или гуннов, расширение Римской империи, падение Рима, великое переселение народов (в том числе и славян), которые несомненно влияли как на уровень развития, так и на облик культуры.

Еще одним, правда лишь терминологическим, минусом является принцип обозначения археологических культур. Обычно культуры получают научное наименование по месту первых раскопок (деревня, урочище), которое при дальнейших исследованиях может оказаться периферийным по отношению к культуре в целом. Когда впервые обобщается безымянный, не получивший единого названия материал, то часто вводится объективное наименование по географическому принципу (река, бассейн реки, административная единица), а иногда исследователи вводят в название той или иной культуры свои научные воззрения, субъективно сопоставляя культуру с каким-либо древним народом или этнической общностью.

Выделение археологических культур является важным звеном исследования, но, к сожалению, нередко историческое осмысление археологических материалов искусственно расчленяется по замкнутым в себе культурам. А это мешает

познанию исторического процесса в его динамике. Видоизменение археологической культуры одного и того же населения подменяется «сменой культур», под которой часто подразумевается смена населения. Очень часто истинной причиной изменения общего облика археологической культуры оказывается то или иное новое историческое явление, какие-то крупные катаклизмы, и хронологические рубежи культур бывают прямым следствием этих явлений. Однако при изолированном изучении одной культуры без учета критических переломных моментов в судьбе народа неизбежно теряется историческая перспектива.

Нам в нашем поиске корней среднеднепровской Руси придется иметь дело со следующими археологическими культурами: Черняховская (по селу Черняхово на Киевщине); Зарубинецкая (по селу Зарубинцы в излучине Днепра); «Скифская» и милоградская; Чернолесская (по урочищу Черный лес).

Географическое положение этих культур показано на картах, а их хронологическое соотношение видно из следующей таблицы: ...

Как видим, интересующие нас культуры хронологически плотно смыкаются друг с другом и только в одном случае сосуществуют, но это происходит, как увидим, в разных географических областях. Кроме того, как установлено археологами, занимающимися той или иной культурой в отдельности, каждая интересующая нас археологическая культура как бы вырастает из предыдущей, уходит своими корнями в более раннюю культуру этой же области, хотя и создает новые виды поселений, материальной культуры, обрядности, что и позволяет выделять этот новый этап в качестве особой (но не обособленной!) археологической культуры. У нас почти не обращалось внимания на то, что все поименованные археологические культуры представляют собой не изолированные, взятые вне исторического контекста, само-

стоятельно зародившиеся (или «появившиеся») комплексы, а взаимосвязанные исторические этапы, генетически соединенные друг с другом, звенья единой цепи, которые в своей совокупности отражают исторический процесс во всем его конкретном многообразии, со всеми периодами подъема или упадка, инертности или активного расселения народности. Для доисторической археологии, не имеющей возможности контролировать свои построения данными языка и письменных свидетельств, задача установления генеалогической преемственности культур, различающихся многими признаками, сильно затруднена. Для исторической же археологии, с каковой мы имеем дело в нашем случае, решение этой задачи более обеспечено контрольными материалами.

Помимо хронологической непрерывности крайне важна, разумеется, и географическая совмещенность разновременных культур. Она может оказаться неполной, но эта неполнота должна быть исторически объяснена. Вообще все случаи изменений ареала, изменения и скачки в области хозяйства, общественного строя, идеологии, стиля искусства должны обязательно рассматриваться на широком фоне общих для очень обширного региона (во много раз превосходящего ареал изучаемой культуры) явлений. Периоды подъема и упадка, расширения или сужения ареала археологической культуры, зарождение (или восприятие извне) новых черт, видоизменяющих облик культуры, — все это должно быть соотнесено с общеевропейскими явлениями и событиями.

Рассмотрим географию нужных нам археологических культур.

1. «Русская земля» (в узком понимании термина), выявленная по историческим летописным данным, в VI–VII вв. н.э. совпала с определенной культурой пальчатых фибул и спиральных височных колец. По отношению ко всему славянству этого времени данная культура занимает крайнее юго-восточное положение.

2. По отношению к гипотетической прародине славян (устанавливаемой по лингвистическим, палеоботаническим и археологическим данным), относимой примерно к середине II тысячелетия до н.э., «Русская земля», отстоящая от формирования прародины на два тысячелетия, тоже занимает юго-восточный участок былой славянской прародины. Главное ядро «Русской земли» по Днепру и Роси целиком вписывается в ареал прародины. Только восточные рубежи «Русской земли» на Левобережье Днепра продвинуты несколько далее на восток (к Курску и Воронежу) чем мы можем проследить праславян времен прародины.

Дальнейшая задача состоит в рассмотрении тех археологических культур, которые констатированы для этой самой территории в промежутке между сложением прародины славян и пространственным обозначением «Русской земли» в VI в.

3. На рубеже бронзового и железного веков в интересующей нас восточной части славянского мира, в рамках прародины выявлена так называемая чернолесская культура киммерийского, предскифского времени. Чернолесская культура является дальнейшим развитием так называемой белогрудовской, которая в свою очередь вырастает из той широкой археологической общности, которая представлена тшинцево-комаровской культурой, принятой нами за прародину славян. Качественное отличие чернолесской культуры Среднего Поднепровья от белогрудовской объясняется появлением такого важного фактора прогресса, как железо, широко распространенного именно в лесостепной и в лесной зоне.

Географически чернолесская культура, во-первых, целиком уместается на восточной половине славянской прародины, а во-вторых, удивительно точно совпадает с областью архаичных славянских гидронимов (по О. Н. Трубачеву) (Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979. Карта чернолесской